

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ

**ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Отдел Дальнего Востока

Научный доклад об основных результатах
подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации)

**КОНФУЦИАНСКАЯ ЭКЗЕГЕТИКА В ДРЕВНОСТИ И
РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ТИПОЛОГИЯ
КОНФУЦИАНСКОГО КОММЕНТАРИЯ**

Аспирант Бонч-Осмоловская О.А.

Научный руководитель д.и.н. Попова И.Ф.

Санкт-Петербург

2019

Работа выполнена в отделе Дальнего Востока Института восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН).

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор СПбГУ Попова Ирина Федоровна, директор Института восточных рукописей Российской Академии наук.

Рецензенты:

- кандидат исторических наук Ульянов Марк Юрьевич, доцент, заведующий кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова;

- кандидат исторических наук Маранджян Каринэ Генриховна, старший научный сотрудник ИВР РАН.

Защита состоится 14 октября 2019г. в _____ на заседании Государственной экзаменационной комиссии Института восточных рукописей РАН (191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, ауд. 146).

С научно-квалификационной работой О.А. Бонч-Осмоловской можно ознакомиться на сайте Института восточных рукописей РАН.

Актуальность темы исследования. Конфуцианское учёное сообщество составляло ядро интеллектуальной жизни Китая на протяжении двух с половиной тысячелетий и оставило обширнейшее письменное наследие. Во всём многообразии китайской классической литературы особое место занимают конфуцианские канонические книги. Канонический текст стал в конфуцианстве основной интеллектуальной базой, неотъемлемой частью официальной идеологии, любой формы самосовершенствования и мироустроительной (государственной) деятельности. Корпус из пяти наиболее древних и авторитетных текстов (*У цзин* 五經 «Пятиканоние») приобрел фундаментальное и неоспоримое значение в середине II в. до н.э. Требование изучать, комментировать, применять их на практике не теряло своей актуальности вплоть до самого порога XX века.

Процесс многовековой интерпретации и реинтерпретации канонов обусловил формирование целого ряда комментаторских типов, образовавших сложную экзегетическую систему. Конфуцианский комментарий, развивавшийся на протяжении всего времени традиционного изучения канонических текстов в Китае, составляет каркас данной экзегетической системы и содержит богатейший материал для изучения ее специфики. Однако вплоть до последнего времени немалую проблему представляла крайняя разнородность конфуцианских комментаторских сочинений, даже тех, которые китайская традиционная наука формально относила к одному типу. В этой связи особую актуальность представляет разработка методологии для упорядоченного описания множества письменных памятников и их объединения в определенные группы, а также надежная атрибуция комментаторских сочинений к тому или иному типу.

Поиск критерия, который можно было бы положить в основу типологии исторических форм конфуцианского комментария, подразумевает детальный анализ целого ряда концептов, выявление исторической динамики конфуцианской экзегетической мысли и логики ее развития. Углубленное исследование процесса движения конфуцианской экзегетики, вписанного в

более широкий историко-культурный контекст, открывает путь к лучшему пониманию изменений, происходивших в конфуцианском учении, а также, поскольку эти области были тесно взаимосвязаны, – в сфере традиционного образования и политической деятельности.

Особую важность представляет изучение ряда крутых поворотов на пути развития конфуцианской экзегетики, имевших место в период правления династии Хань 漢 (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.), в эпоху Шести династий (Лючао 六朝, 220 – 589 гг.), при империи Суй 隋 (589 – 618). Указанный обширный период в целом можно рассматривать как время зарождения и активного развития всех основных типов комментария, использовавшихся в экзегетике позднее. Это было время формирования интеллектуального базиса и создания необходимых историко-культурных предпосылок событий, определивших ход развития экзегетики в последующие периоды, где особенно выделяются по своей значимости эпохи Тан 唐 (618 – 907 гг.), Сун 宋 (960 – 1279 гг.) и Цин 清 (1616-1912).

К сожалению, проблемы типологии конфуцианских комментариев и логики движения самой конфуцианской экзегетической мысли до сих пор оставались на периферии как отечественного, так и мирового китаеведения. Рассмотрение специальной литературы по данной проблематике показывает, что до недавнего времени единый взаимосвязанный процесс развития конфуцианской экзегетической мысли представлялся в виде большого числа изолированных элементов. Между тем, исследование структуры конфуцианской экзегетической системы, определение основных закономерностей и выявление генерализирующих факторов её динамического развития и системообразующих связей внутри неё представляется весьма актуальным, ибо способствует уяснению специфики отдельных сочинений в частности и конфуцианского учения в целом. Оно помогает уточнить особенности государственной идеологии, образовательных стандартов и политических практик рассматриваемых

периодов китайской истории. Все это в целом позволяет говорить о высокой актуальности темы, исследуемой в настоящей диссертации.

Степень изученности темы исследования. Изучение конфуцианского комментаторского наследия, даже если ограничить его только комментариями к авторитетному Пятиканонию, имеет весьма непростую историю, как на территории самого Китая, так и на Западе. В первую очередь, это обусловлено неоднозначным отношением академического сообщества к статусу и функциям данных сочинений и, соответственно, к сопутствующему им корпусу комментаторских произведений.

К примеру, один из древнейших конфуцианских канонических текстов – *Шицзин* 詩經 («Канон стихов», «Канон песен», «Книга песен», «Канон поэзии», «Канон песнопений», далее – *Песни*) – помимо своего канонического статуса, является еще и древнейшей китайской поэтической антологией и поэтому существует как бы параллельно в мире конфуцианской этики и в мире литературной критики. При попытке совмещения этих измерений нередко возникают противоречия, что породило у исследователей достаточно критичный взгляд на смысл текста памятника, методы его исследования, и тем более – на статус интерпретирующих его комментариев.¹

Такая позиция, занятая авторитетными учеными, поначалу сформировала настороженное отношение современных исследователей к конфуцианским интерпретациям *Песен*, однако постепенно оно приобрело форму молчаливой неприязни к углубленному изучению конфуцианской

¹ Изложим основные точки зрения по этому вопросу. Нередко считается, что *Песни* ценны сами по себе, в первую очередь, как литературный памятник, а конфуцианские комментаторы «не могли разглядеть простую естественную красоту песен ... , и в то же время не могли отбросить надуманных суждений Учителя и «вчитали» в сельские песни моральную и политическую значимость. Каждой из трехсот бессмертных песен было насильно навязано какое-то скрытое значение и соответствующая мораль» [Giles, 1928: 12-14].

Марсель Гранэ, видный французский синолог и социолог, установил целый ряд правил чтения и исследования *Песен*, среди которых одним из основных была необходимость отказа от всех «символических интерпретаций, так же, как и от интерпретаций, подразумевающих изощренные трактовки части песен» [Granet, 1929: 27]. Мнение о том, что песенно-поэтические произведения, особенно из раздела *Гофэн*, вовсе не содержат аллегорического подтекста, а поэтому и все конфуцианские интерпретации некорректны, высказывал Чжан Лунси [Zhang Longxi, 1987: 205]. Дональд Хольцман пишет, что Конфуций «не уделял внимания настоящему смыслу поэзии, а «анализировал» ее и любой ценой грубо извлекал из нее моральные уроки»; поэтому все его трактовки «абсолютно неверны» [Holzman, 1978: 33].

экзегетики в целом. Именно с этим связано малое количество европейских исследований комментаторских сочинений к отдельным каноническим текстам и недостаток крупных работ (особенно монографического формата), обобщающих наши знания о конфуцианской экзегетике, её особенностях и историческом развитии.

Необходимо отметить, что истоки данного феномена кроются не только и не столько в особенностях европейского отношения к поэзии *Шицзина*. В сущности, первыми, кто обвинил конфуцианские комментарии и большую часть конфуцианской традиции в абсурдности, были сами китайские ученые конца XIX в. – начала XX в. Уже реформатор и мыслитель Кан Ювэй 康有為 (1858-1927), критически исследовавший конфуцианское письменное наследие, обратил острие своей мысли и весь методологический арсенал против «конфуцианской традиции», в первую очередь – против передачи версий канонов в рамках школы «древних текстов»². Эта последняя, как он считал, сфабриковала большую часть конфуцианского канона, что, в сущности, дискредитирует её толкования [Кан Ювэй, 2012]. Разумеется, в своей собственной научной практике Кан Ювэй отнюдь не был свободен от предвзятых суждений. Сам он принадлежал к канонведческому течению «новых текстов»³, в связи с чем, например, утверждал, что именно Конфуций был ключевой фигурой в формировании всех канонов.

В противовес этому, группа более молодых учёных, наиболее известными представителями которой были Гу Цзеган 顧頡剛 (1893-1980), Цянь Сюаньтун 錢玄同 (1887-1939), Ху Ши 胡適 (1891-1962), а также в той или иной степени, идейно примыкавшие к ним реформаторы и политические деятели Лян Цичао 梁啟超 (1873-1929), Чэнь Дусю 陳獨秀 (1879-1942) и др., в 1910-1920-х гг. сформировали целое интеллектуальное движение,

² Тж. интеллектуальное течение по изучению канонов, записанных древними знаками. О ней см. подробно в разделе 1.3. данной диссертации, а также в Главе II. О поиске новых идей в среде китайской интеллектуальной элиты рубежа XIX-XX вв., см. [Кобзев, 2011: 649-674].

³ Тж. интеллектуальное течение по изучению канонов, записанных новыми/современными знаками. О нем тж. см. раздел 1.3. настоящей диссертации, а также Главу II.

получившее название «сомнение в древности» (*и гу пай* 疑古派).⁴ В его рамках резкой критике и переоценке были подвергнуты представления о Конфуции, как совершенномуудром авторе или редакторе отдельных канонических книг [ГШБ-2, 1982: 130-210; ГШБ-3, 1982: 374-382].

Огонь критики направлялся не только на исторические тексты, такие как «Исторические записки» Сыма Цяня, но и на конфуцианство в целом, вместе с его основными представителями и «традиционным некритическим отношением к памятникам». Все это в той или иной степени было признано устаревшим пережитком имперской идеологии. Таким образом, получалось, что, например, *Песни* – наиболее ценны как сборник народной поэзии, фиксирующий социокультурные реалии древности, а все навязанные тексту неестественные и противоречивые интерпретации («произвольно толкующие текст без всякой логики»), необходимо просто отбросить [ГШБ-3, 1982: 382-419].⁵

«Канон документов»⁶ был признан, как минимум, частично неаутентичным, поскольку многие главы являются позднейшей подделкой и интерполяцией, а которые вправду являются древними, – мифологизированы, не историчны или подлежат серьезному филолого-текстологическому пересмотру. Многим вопросам критической текстологии *Документов* посвящены 11-ый том «Записок Гу Цзегана о чтении книг» [Гу Цзеган, 2011], предисловия Гу Цзегана к *Гу ши бянь* [ГШБЦС, 2000: 3-11], а также 1-ый том *Гу ши бянь* [ГШБ-1, 1982: 1-264]. Кроме того, эти проблемы освещаются в нескольких главах монографии Лю Циюя [Лю Циюй, 1989: 334-514], и в его

⁴ В самоназвании движения проявилось влияние идей, циркулировавших в среде китайской интеллигенции еще при династии Тан – историк Лю Чжицзи 劉知几 (661-721), автор знаменитой энциклопедии *Тун дянь* (通典 «Общие установления»), включил туда сочинения «Главы о сомнении в древности» (*И гу пянь* 疑古篇) и «Главы о заблуждении в канонах» (*Хуо цзин пянь* 惑經篇).

⁵ Не менее резко в отношении традиционного подхода к *Песням* высказывался и Ху Ши: «“Шицзин” – не канонический текст. В прежние времена ученые относились к нему как чему-то священному, как к канону, мы сейчас должны разбить все эти представления, а если их разбить нельзя, то и “Шицзин” можно не изучать. Поскольку “Шицзин” отнюдь не какая-то “Библия”, а антология древних народных песен, то его можно использовать как источник по истории общества, по истории политики, по истории культуры. Но ни в коем случае нельзя рассматривать его как священный канонический текст» [Ху Ши, 2009: 14].

⁶ *Шуцзин* 書經, «Книга документов», тж. *Шаншу* 尚書, «Чтимая книга», «Почитаемая книга»; далее в тексте диссертации – *Документы*.

подробном и профессиональном критическом комментарии к *Документам*, который был выполнен им совместно с его учителем Гу Цзеганом [Лю Циюй и Гу Цзеган, 2005].

Что касается «Канона перемен» 易經 (тж. «Книга перемен», далее – *Перемены*), то он признавался мантической книгой, полной суеверий, которая тоже текстологически отнюдь не равномерна и целостна. Проблемам текстологии *Перемен* посвящена большая часть третьего тома монументальной серии сборников статей *Гу ши бянь*, вышедшей под общей редакцией Гу Цзегана и вмещавшей как его работы, так и других представителей движения «сомнения в древности» [ГШБ-3, 1982: 1-308].

Три текста ритуального канона⁷ также были признаны текстологически не синхронными описываемым в них реалиям [ГШБ-3, 1982: 311]. Кроме того, ритуал как таковой стал официально считаться конфуцианским инструментом для контроля сословного общества и поддержания социального неравенства. Поэтому по понятным причинам количество исследований, посвященных специально этим текстам и комментариям к ним, резко сократилось.

Наконец, каноническая летопись *Чуньцю*, разделенная между интеллектуальными течениями *цзиньвэнь* и *гувэнь* на, соответственно, школы Гунъян и Цзо⁸, также лишилась былой авторитетности – Цзо за «неаутентичность» и позднюю компиляцию (об этом, в числе прочего, см. дискуссию Бернарда Карлгрена, Гу Цзегана и Цянь Сюаньтуна [ГШБ-5, 1982: 293-313]). Гунъян – за увлечение эзотеризмом и сложными историко-философскими построениями, которые не представляли первостепенной важности для китайских ученых XX века. Школа Гулянь, как родственная Гунъян, но менее влиятельная и значительная, просто не удостоивалась особого внимания.

⁷ «Чжоуские ритуалы» 周禮, далее – *Чжоу ли*; «Ритуалы и церемонии» 儀禮, далее – *И ли*; «Записки о ритуале» 禮記, далее – *Ли цзи*. Обобщенное название трех ритуальных канонов далее в тексте диссертации – *Ритуалы*.

⁸ См. специальный раздел об этих течениях в интерпретации Чуньцю в разделе 2.1. настоящей диссертации.

Эта поистине «иконоборческая», гиперкритическая эпоха в истории китайской синологии имела свои исторические предпосылки. Она была логичным результатом общего настроения разочарования и недовольства в среде китайской интеллигенции, после многих лет упадка конфуцианской бюрократии и крайне неудачной внешней политики государства – проигранных войн и заключенных неравных соглашений, которые привели Поднебесную в положение полуколониальной страны [см. подробнее Непомнин, 2011; Дацышен, 2004]. Поколение ученых, детство и юность которых пришлось на период разложения и заката цинской империи, вместе с тем, получило возможность обучаться и у традиционных наставников в Китае, и у европейских профессоров во время образовательных поездок на Запад. Постепенно оно укрепило в мысли, что китайская наука должна быть реформирована в самой своей основе. Несмотря на то, что отношение к движению *и гу* в самом Китае не было неизменным [Richter, 1994: 377-379], вектор и методология магистральных исследований конфуцианских классиков оказались переориентированы на более европеизированное изучение их языка, фонологии, грамматики, а также литературоведческих и историко-культурных сторон их содержания. С тех пор на этом поприще было достигнуто немало вершин, как на Западе, так и в Китае.

Из достаточно ранних исторических работ по теме заслуживает упоминания исследование, выполненное в парадигме позднецинского каноноведа Пи Сижуйя 皮錫瑞 (1850-1908) [Пи Сижуй, 2011; Пи Сижуй, 2017], однако с элементами европейской рефлексии над терминами (например, предпринимается попытка установить определение «канона» в конфуцианстве) – труд Цзянь Боцяня 蔣伯潛 и Цзянь Цзуй 蔣祖怡 [Цзянь Боцянь, 2011]. Среди других исследований, уже ставших классическими, выделим труды Лю Шипэя 劉師培 (1884-1919) [Лю Шипэй, 2008], а также выдающихся историков Цянь Му 錢穆 (1895-1990) [Цянь Му, 1931; 2015] и Чжоу Юйтуня 周予同 (1898-1981) [Чжоу Юйтун, 1996; 2015].

Если же говорить о современном состоянии изучения конфуцианской экзегетики, то китайские ученые, вернувшиеся к обсуждению этой темы уже на новом витке развития науки, в последние десятилетия неоднократно предпринимали попытки возродить данное направление, результатом чего стало большое количество публикаций по этой теме, как, например, исследование Сюй Фугуаня 徐復觀 по ханьской экзегетике [Сюй Фугуань, 1982], многотомный труд по истории конфуцианской экзегетической мысли под редакцией Цзян Гуанхуэй 姜廣輝 [Цзян Гуанхуэй, 2003; Цзян Гуанхуэй, 2010], обзоры истории экзегетики представлены в работах японского китаевода Хонда Сигэюки 本田成之 [Хонда, 2001] и Ма Цзунхо 馬宗霍 [Ма Цзунхо, 1984]. Кроме того, стоит отметить коллективную монографию У Яньнаня и соавторов, где тоже была предпринята попытка проследить историю конфуцианской экзегетики с древнейших времен до конца династии Цин [У Яньнань, 2010].

Перечисленные работы заложили общий фундамент современного китайского понимания истории конфуцианской экзегетики и методов ее исследования. Надо сказать, с 80-х годов XX века он не претерпел существенных изменений, с чем связана невысокая степень научной новизны современных китайских исследований. Указанные выше исследования объединяет использование традиционной терминологии и, что более важно, устойчивость в традиционном понимании процессов и вектора развития конфуцианской экзегетики, окончательно сложившейся, благодаря работам цинских экзегетов. В этой связи среди китайских ученых до сих пор практически непререкаемым авторитетом⁹ пользуется точка зрения яркого каноноведа Пи Сижуюя, принадлежавшего к интеллектуальному течению *цзиньвэнь цзинсюэ* («канонов, записанных в новых знаках»), который

⁹ Известный историк и канонвед Чжоу Юйтун, комментировавший и правивший данных текст, отмечал некоторые предубеждения и заблуждения Пи Сижуюя, обусловленные его школьной принадлежностью и временем написания сочинения. Но гораздо показательнее то, что предложенные Пи Сижуюем более ста лет назад этапы развития канонведения и метод его исследования до сих пор остаются путеводными, а ссылка на него прибавляет авторитетности работам современных китайских исследователей. Из англоязычных работ творчеству Пи Сижуюя посвящена диссертация американского исследователя Стюарта Акве, см. [Aque, 2004].

окончательно закрепил представления об истории конфуцианской канонovedческой мысли, разделив ее развитие на десять этапов [Пи Сижуй, 2011].

Среди современных китайских исследований, посвященных отдельным каноническим текстам и конкретным периодам в истории конфуцианской экзегетики, отметим работы Хун Чжаньхоу 洪湛侯 об истории изучения *Песен* [Хун Чжаньхоу, 2002], блестящую монографию Чэнь Юаньминя 程元敏 об истории экзегетики *Документов* [Чэнь Юаньминь, 2013], а также работы Чэнь Сюйго 陳戌國 [Чэнь Сюйго, 1995; 1993; 2002] о ритуальной системе и ритуальных канонах, Чжао Босюна 趙伯雄 [Чжао Босюн, 2004] и Фу Липу 傅隸樸 [Фу Липу, 1984] о школах и трендах в экзегетике *Чуньцю*, Ян Боцзюня по общему канонovedению [Ян Боцзюнь, 1984] (помимо его работ о *Цзо чжуань* и других канонах), Ван Баосюаня 王葆琰 о западноханьской экзегетике [Ван Баосюань, 2008], Чжан Фэнъи 張峰屹 о ханьской экзегетике и ее связи с апокрифической и литературной мыслью [Чжан Фэнъи, 2014], Цзяо Гуймэй 焦桂美 об экзегетике эпохи Южных и Северных династий [Цзяо Гуймэй, 2009].

Отдельно стоит отметить прекрасные исследования тайваньского ученого Линь Цинчжана 林慶彰 о минской и цинской экзегетике. В своих работах он уже ставил вопрос о сложностях исследования конфуцианской экзегетики и отмечал, что в последние десятилетия оно столкнулось с очевидным кризисом, развиваясь крайне медленно и малоэффективно: «Причины застоя в исследованиях [конфуцианской] экзегетики кроются в том, что до сих пор так и не была по-настоящему проведена базовая подготовительная работа для ее изучения. Базовая работа включает в себя два аспекта: первый – составление «[Полной] библиографии к Тринадцатиканонию». Составление «Библиографии» – это самый основной и необходимый этап в изучении экзегетики и наиболее эффективный способ обобщения материала. Второй аспект – проведение специализированных

исследований по отдельным этапам [развития экзегетики]. Каждый из них обладает уникальными особенностями и если не составить о них четкое представление, то как возможно провести системное исследование всей экзегетической мысли?» [Линь Цинчжан, 1990: 1-2]. Профессор Линь Цинчжан совершенно справедливо отмечает, что современным исследованиям экзегетики не хватает как теоретической, так и практической основы – до сих пор не сведен вместе и критически не проанализирован целый корпус источников, равно как не проведено системное исследование экзегетической мысли и отдельных аспектов ее развития.

Эти задачи поставлены совершенно правильно, однако серьезную проблему составит сведение этого колоссального количества разножанровых и разновременных источников в единую критическую «Библиографию», а также их последующий анализ, классификация и обобщение. В свою очередь, эти сложности связаны с тем, что конфуцианские комментаторские сочинения, составляющие каркас экзегетической системы, до сих пор не были проанализированы с точки зрения их типологических особенностей, так же, как не были выделены основные закономерности и генерализирующие факторы динамического развития конфуцианской экзегетической мысли в целом.

Анализ дополнительной литературы по теме изучения конфуцианской экзегетики в Китае см. в разделах 1.1.2. и в начале раздела 1.2. настоящей диссертации.

В отечественной синологической науке работа по систематическому изучению и переводу конфуцианских канонов началась с деятельности академика В.М. Алексеева [Алексеев, 2003: 121-138]¹⁰ и его учеников – Ю.К. Щуцкого, обстоятельно исследовавшего текст *Перемен* [Щуцкий, 1993], и А.А. Штукина, осуществившего первый полный перевод *Песен* на русский язык [Штукин, 1987].

¹⁰ Тж. см. его рецензию на перевод и исследование «Канона перемен» Ю.К. Щуцким [Щуцкий, 1993: 500-519].

В последние десятилетия отдельные вопросы конфуцианской экзегетики получили развитие в трудах московских синологов А.М. Карапетьянца о формировании системы китайских канонов, *Чуньцю* и системологии [Карапетьянц, 1989; 1990; 2010]; А.И. Кобзева об архитектонике китайской в целом и неоконфуцианской в частности философской мысли [Кобзев, 1988; 1993; 2002];¹¹ М.Ю. Ульянова и Г.С. Поповой о процессе формирования, текстологических и содержательных особенностях текстов *Цзо чжуань* и *Шуцзин* [Ульянов, 2007, 2011А, 2011Б, 2014; Попова, 2012А, 2012Б, 2015]; А.Е. Лукьянова о *Переменах* и комплексе комментариев к ним [Лукьянов, 1994], В.М. Крюкова о чжоуском Китае и происхождении текстов *Песен* и *Документов* [Крюков, 2000: 296-326], Васильева Л.С. о генезисе и особенностях китайской системы мысли [Васильев, 1988, 1989].¹²

Отметим также исследования представителей петербургского китаеведения – А.С. Мартынова о конфуцианстве как историческом и философском феномене, а также о ряде ключевых категорий конфуцианской мысли и императорской идеологии [Мартынов, 1978; 1982; 2001а-б]; и А.С. Рысакова о неоконфуцианской философской парадигме эпохи Сун и возможных направлениях изучения конфуцианского канонического наследия [Рысаков, 2008; 2009: 13-83; 2015]. Большое влияние на понимание некоторых категорий, имеющих отношение и к конфуцианскому каноноведению, оказала работа В.С. Спирина [Спирин, 1976].

¹¹ Помимо всего прочего, несомненным достижением отечественного китаеведения является составление энциклопедии «Духовная культура Китая», в которой также приводится обзор ряда понятий, имеющих прямое отношение к изучению конфуцианской экзегетики, например, см. [ДКК, 2006: 527-528].

¹² В последние годы на русский язык был переведен «Канон документов» [Майоров, Стеженская, 2014], а также появился новый поэтический перевод «Канона песен» [Абраменко, 2015]. К сожалению, обе книги практически обходят стороной углубленное исследование богатой комментаторской традиции на эти тексты, равно как и не вдаются в анализ проблем интерпретации их содержательной стороны в истории конфуцианской мысли. См. тж. рецензию Г.С. Поповой и М.Ю. Ульянова на перевод *Документов* [Попова, Ульянов, 2016: 213-224] и статью А. И. Кобзева и Н.А. Орловой о переводе В.П. Абраменко [Кобзев, Орлова, 2016: 418-452].

Помимо этого, в России имеются переводы других текстов из состава Тринадцатиканония, равно как велись и ведутся исследования отдельных памятников. Достижения отечественной синологии в полной мере учитываются в настоящей диссертации, однако поскольку большинство работ не специализируется на проблемах собственно конфуцианской экзегетики, в данном разделе приводятся лишь те исследования, которые можно считать в наибольшей степени приближенными к этой тематике.

Академик В.М. Алексеев в свое время отмечал принципиальную важность конфуцианских комментаторских сочинений, как для понимания канонических текстов, так и в принципе для исследования истории конфуцианской системы мысли. Тем не менее, несмотря на его критику субъективной склонности Ю.К. Щуцкого к второстепенным по значимости, в том числе к японским комментариям для изучения *Перемен*, а также несмотря на многолетнюю плодотворную работу нескольких поколений отечественных синологов по целому ряду направлений, ни одно специальное исследование до сих пор не было посвящено ни комментаторским школам, ни конкретным формам конфуцианского комментария, ни проблемам их исторического развития.

В западном академическом сообществе, несмотря на общую тенденцию рассматривать конфуцианскую классику в критическо-текстологическом ключе, некоторые работы затрагивают ряд вопросов, связанных с проблемами конфуцианской экзегетики и особенностями комментаторских сочинений. Так, труды американских исследователей Эдварда Шонесси, Майкл Найлан фокусируются на процессе сложения первых пяти канонов и общем описании их понимания как до, так и после установления конфуцианской идеологии [Shaughnessy, 1997А; Nylan, 2001]. Монография Джона Хэндersonа представляет собой попытку компаративистского исследования конфуцианской традиции и системы канонов с традициями веданты, коранического и иудаистического экзегезиса [Henderson, 1991]. Статьи Ханса ван Эсса, Майкл Найлан и Джека Далла рассматривают феномен противостояния интеллектуальных течений «новых» и «древних» текстов в ханьскую эпоху [van Ess, 1994, 1999; Nylan, 1994Б; Dull, 1966]. Краткая характеристика процесса сложения первых экзегетических школ содержится в статье Роберта Крамерса [Kramers, 1986]. В работах Стивена Дэвисона, Карин Дэфут, Гомера Дабса [Davison, 1982; Defoot, 2000; Dubs, 1938] также затрагиваются разные аспекты формирования ханьской экзегетической мысли. Исследования Майка Фармера анализируют

локальную экзегетическую традицию царства Шу эпохи Троецарствия [Farmer, 2001, 2014].

На Западе были выполнены работы тайваньских исследователей Чжан Баосань 張寶三 (Chang Pao-san) (посвящена рассмотрению взаимосвязи между комментариями-*чжу* и субкомментариями-*шу*) [Chang, 2005: 177-191] и Цай Жэньчжэнь 蔡任真 (Tsai Yen-zen) (анализирует ханьский концепт каноничности и связь канона-*цзин* и первых комментариев-*чжуань*) [Tsai, 1992]. Блестящие монографии и статьи американского синоведа Дениэла Гарднера исследуют принципы понимания комментария в конфуцианстве, а также некоторые особенности неоконфуцианской экзегетики, в основном, в чжусианском варианте [Gardner, 1998, 2003].

Из исследований, имеющих своей целью рассмотреть конкретный канонический текст и, хотя бы частично, историю его экзегетики выделим следующие. Монография Стивена ван Цоэрена, а также статьи Марка Асселина, Джеффри Ригеля и Мартина Керна [van Zoeren, 1991; Asselin, 1997; Riegel, 1997; Kern, 2007А, 2007Б, 2015], концентрируют внимание на тенденциях в интерпретационной практике *Шицзина* – с древнейших времен до эпохи Сун. Направления в экзегетике *Чуньцю* кратко освещаются в статьях Иоахима Генца [Gentz, 2005А, 2005Б] и более углубленно – в монографиях Нэвел Энн ван Аукен и Сары Куин [van Auken, 2016; Queen, 1996]. Некоторые комментарии к *Переменам* рассматриваются в работах Бэнта Нильсена [Nielsen, 1995], Хань Цзыци (Hon Tze-ki) 韓子奇 [Hon, 2003; 2005], Рудольфа Вагнера [Wagner, 2003] и Эдварда Шонесси [Shaughnessy, 1997Б].

Западные исследования, специально посвященные отдельным вопросам конфуцианской экзегетики, достаточно активно начинают появляться в 1990-е – и 2000-е годы и их изучение ведется до сих пор. Немалое количество выдающихся научных работ по данной теме позволяет несколько обобщить этот опыт. В последние годы академическое сообщество постепенно начинает обращать внимание на исследование отдельных конфуцианских

комментариев к канонам, однако без предварительного анализа типологической принадлежности и особенностей комментария исходя из его места и значения в системе конфуцианской экзегетической литературы, это исследование легко может пойти по ложному пути.¹³ Поэтому когда дело доходит до конкретных вопросов собственно конфуцианской экзегетики, возникает явная нехватка анализа самых её основ, а именно, проблем происхождения и развития конфуцианских комментаторских типов, а также связанных с этим особенностей общего движения конфуцианской традиции и экзегетической мысли.

Источниковая база исследования. Основой для изучения конфуцианской экзегетической мысли и для построения исторической типологии конфуцианского комментария, в первую очередь, являются сами комментаторские сочинения. Поскольку в диссертации экзегетика рассматривается со времени ее институционализации при Западной Хань, основной акцент сделан на изучении экзегезы Пятиканония, канонизированного в то время, и составившего ядро конфуцианского канона.

Однако в связи с тем, что уже ко времени Восточной Хань нельзя не учитывать влияние текстов *Луньюй* и *Сяо цзин*, а затем и более позднюю тенденцию к канонизации ряда наиболее авторитетных комментариев к летописи *Чуньцю* и к *Ритуалам*, по мере необходимости в диссертации рассматриваются и эти сочинения. Тексты канонов и комментариев из классического сборника *Ши сань цзин чжу шу* 十三經注疏 («Тринадцатиканоние» с комментариями и субкомментариями)¹⁴ используются в издании под редакцией Жуань Юаня 阮元 (1764-1849). Данный сборник ценен также и тем, что в субкомментариях приводятся

¹³ См. случай с комментарием «Сводные разъяснения к *Луньюю*» (*Лунь юй цзи цзе* 論語集解), разобранный в разделе 3.2. настоящей диссертации; или совершенно обосновательные предположения даже в работах достаточно известных и хорошо зарекомендовавших себя ученых о том, что разные типы комментариев, скорее всего, «отличаются только названиями», а по сути, все они похожи [Чжоу Дапу, 2007: 34; Ся Чуаньцай, 2006: 20-21].

¹⁴ В состав которого входит и *У цзин чжэн и* («Выправленный смысл “Пятиканония”») Кун Инда 孔穎達 (574-648).

большие выдержки или критические замечания по поводу комментариев, уже утраченных на данный момент.¹⁵

Многие комментарии ханьского периода были утрачены, поэтому для анализа их содержательных и типологических характеристик были привлечены авторитетные цинские сборники, по возможности восстанавливающие их текст на основе дошедших фрагментов и цитат – сборник Ма Гоханя 馬國翰 (1794–1857) *Юйханьшань фан цзи и шу* 玉函山房輯佚書 («Собрание утраченных книг из горной обители Юйхань»); сборник Ван Мо 王謨 (1731-1817) *Хань Вэй и шу чао* 漢魏遺書鈔 («Подборка утраченных книг [эпох] Хань и Вэй»); *Хань сюэ тан цзин цзе* 漢學堂經解 («Разъяснение канонов в ханьских школах») Хуан Ши 黃奭 (1809–1853); *И Хань сюэ* 易漢學 («Ханьская ицзинистика») Хуэй Дуна 惠棟 (1697–1758); *И цун шо* 易叢說 («Собрание рассуждений о Переменах») Чжу Чжэня 朱震 (1072–1138). Династийные истории *Ши цзи* 史記, *Хань шу* 漢書 и *Хоу Хань шу* 後漢書, в частности, библиографический раздел *Хань шу И вэнь чжи* 藝文志 («Трактат о литературе [шести классов] искусств»/«Трактат об искусствах и текстах») также служат очень важными источниками для исследования динамики развития конфуцианской экзегетической мысли.

Источники, содержащие сведения о каноноведческой деятельности конфуцианцев в период Троецарствия, – это, в первую очередь, династийная история *Сань го чжи* 三國志 («Записи о трех царствах», сост. Чэнь Шоу 陳壽 233-297), однако *Сань го чжи* не имеет специального библиографического трактата. В этой связи незаменимым является соответствующий раздел *Цзин цзи чжи* 經籍志 («Трактат о канонах и книжных собраниях») в *Суй шу* 隋書 («Книга [династии] Суй», сост. Вэй Чжэн 魏徵 580-643), фиксирующий перечень текстов, составленных, в том числе, и в эпоху Троецарствия.

¹⁵ Подробный анализ ряда комментаторских сочинений, привлекаемых к работе над диссертацией, содержится в разделе 1.3. «Типология конфуцианского комментария».

Отдельные комментаторские сочинения также доступны в сборниках *Юйханьшань фан цзи и шу* и *Хань Вэй и шу чао*.

Для анализа конфуцианских экзегетических тенденций периодов правления династии Цзинь, Южных и Северных династий и Суй в диссертации используются материалы династийных историй – *Цзинь шу* 晉書, *Сун шу* 宋書, *Нань ци шу* 南齊書, *Лян шу* 梁書, *Чэнь шу* 陳書, *Вэй шу* 魏書, *Бэй Ци шу* 北齊書, *Чжоу шу* 周書, *Суй шу* 隋書, *Нань ши* 南史, *Бэй ши* 北史, *Цзю Тан шу* 舊唐書, *Синь Тан шу* 新唐書, *Сун ши* 宋史 – где наибольшую ценность, учитывая направленность исследования, представляют разделы жизнеописаний (*ле чжуань*) и трактаты (особенно библиографические разделы *Цзин цзи чжи* 經籍志 и *И вэнь чжи* 藝文志). Утраченные, но реконструированные комментарии берутся из материалов сборника *Юйханьшань фан цзи и шу*, а сохранившиеся – частично входят в сборник *Ши сань цзин чжу шу*.

В качестве вспомогательных материалов для анализа развития конфуцианского понимания феноменов комментария, канона и процесса его интерпретации в исследовании привлекаются как источники по раннеконфуцианской философии, так и данные других источников II в. до н.э. – VII в., среди которых выделим: *Чуньцю фань лу* 春秋繁露 («Обильные росы “Вёсен и осеней”»), ок. II в. до н.э.), *Лунь хэн* 論衡 («Взвешенные суждения», I в.), а также *Вэнь синь дяо лун* 文心雕龍 («Резной дракон литературной мысли») Лю Се 劉勰 (465–520).

Цель исследования состоит в выявлении закономерности исторического развития конфуцианской экзегетической мысли раннеимперского и раннесредневекового периодов на основе анализа текстов конфуцианского комментаторского наследия II в. до н.э. – VII в. н.э. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

- определить критерий для построения исторической типологии конфуцианского традиционного комментария;
- проанализировать особенности генезиса и развития основных типов конфуцианского комментария;
- определить основные закономерности и выявить генерализирующие факторы динамического развития конфуцианской экзегетической мысли в период II в. до н.э. – VII в. н.э.;
- рассмотреть историко-культурные процессы, сопутствовавшие появлению новых типов конфуцианского комментария;
- рассмотреть основные тенденции в экзегетике Пятиканония в период II в. до н.э. – VII в. н.э.;
- разработать историческую типологию конфуцианского комментария, с опорой на исследованные комментаторские тексты;
- разработать периодизацию истории развития конфуцианской экзегетической мысли.

Объект исследования: история конфуцианской экзегетики раннеимперского и раннесредневекового периодов.

Предмет исследования: тексты конфуцианского комментаторского наследия II в. до н.э. – VII в. н.э.

Хронологические рамки исследования охватывают период со II в. до н.э. по VII в. н.э. Выбор данных временных границ обусловлен динамикой развития конфуцианского комментария и датировкой появления основных комментаторских типов. Именно на данный период времени приходится формирование наиболее значительных тенденций конфуцианской экзегетической мысли, что позволяет рассматривать его в качестве необходимого фундамента для выработки исторической типологии конфуцианского комментария и исследования общей логики развития конфуцианской экзегетики. По мере необходимости, в работе также привлекаются письменные памятники эпох Тан 唐 (618 – 907 гг.) и Сун 宋

(960 – 1279 гг.), а также приводится историко-культурный контекст их составления.

Теоретическая основа исследования и методы. Теоретической основой настоящего исследования является системно-исторический подход. В качестве основных методов использованы: историко-генетический метод, историко-теоретический метод, сравнительно-исторический метод, типологический метод, причинно-следственный анализ, структурно-диахронный анализ.

Конфуцианская экзегетика рассматривается в диссертации как динамическая культурно-историческая система, обладающая своей структурой и взаимосвязанными компонентами. Оформление и развитие данной системы проходило в рамках общеисторического процесса развития китайской традиционной культуры.

Историко-генетический метод используется для анализа генезиса основных явлений конфуцианской экзегетической мысли и форм конфуцианского комментария, а также для раскрытия свойств исторической динамики их развития.

Историко-теоретический метод позволяет выделить и раскрыть семантику наиболее существенных компонентов понятийно-терминологического аппарата и логику структурной архитектоники конфуцианской экзегетической системы мысли.

С помощью сравнительно-исторического метода выявляются особенности состояния конфуцианской экзегетической мысли, общие и особенные черты источников и явлений рассматриваемого периода времени.

Типологический метод применяется для анализа и определения исторических форм конфуцианской экзегетической мысли.

Причинно-следственный анализ проводится для определения условий и логических связей между событиями, составлявшими исторический фон развития конфуцианской экзегетики.

Структурно-диахронный анализ используется для изучения сущностно-временных изменений и свойств конфуцианской экзегетической мысли на разных отрезках времени, что позволяет исследовать её неизменные и изменяемые компоненты. Этот метод также является важным инструментом для разработки периодизации истории конфуцианской экзегетической мысли, цель которой в выявлении качественных изменений конфуцианской экзегетики.

Исследование базируется на системном методе, проанализированном и разработанном в трудах классиков отечественной исторической школы акад. А.С. Лаппо-Данилевского [Лаппо-Данилевский, 1923], акад. И.Д. Ковальченко [Ковальченко, 1987], А.И. Ракитова [Ракитов, 1982], а также на методологических разработках, реализованных в исследованиях представителей отечественной синологической школы – А.И. Кобзева, А.С. Мартынова, А.М. Карапетьянца и историографической школы Анналов – М. Блока, Ж. Ле Гоффа, Ф. Арьеса [Блок, 1973; Ле Гофф, 2018, 2009; Арьес, 1992].

Научная новизна исследования:

— Настоящая НКР является первым в отечественной и общемировой науке систематическим исследованием конфуцианского комментаторского наследия, анализируемого в историко-культурном контексте развития конфуцианской экзегетической мысли и китайской традиционной культуры;

— В НКР проводится источниковедческое исследование особенностей генезиса и исторического развития основных типов конфуцианского комментария, а также ключевых тенденций и закономерностей динамического развития конфуцианской экзегетики Пятиканония в раннеимперский и раннесредневековый периоды;

— На основе источниковедческого анализа и синхронного сопоставления комментаторских сочинений в диссертации разработана историческая типология форм конфуцианского комментария –

традиционно-авторитетный, научно-критический, субъективно-авторский, энциклопедически-сводный;

— В НКР путем диахронного анализа процесса исторического развития конфуцианской экзегетической мысли, её понятийно-терминологического аппарата и историко-культурного контекста её бытования разработана периодизация истории конфуцианской экзегетической мысли;

— Впервые в отечественном источниковедении в научный оборот систематически вводится ряд комментаторских сочинений, исторический контекст их создания и данные о составителях.

Теоретическая ценность и практическая значимость результатов исследования:

Результаты настоящего исследования могут служить основой дальнейшей разработки актуальных проблем истории конфуцианской философской и экзегетической мысли.

Материалы и выводы данной НКР могут быть использованы для подготовки лекционных курсов, спецкурсов и семинаров по истории и источниковедению конфуцианства, китайской экзегетической мысли, истории китайской интеллектуальной культуры.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты НКР отражены в шести публикациях, в том числе в четырех статьях, опубликованных в научных периодических изданиях, в том числе в четырёх статьях, изданных в журналах из списка ВАК, из них три – в профильных изданиях по историческим наукам.

Ряд положений и результатов диссертационного исследования был изложен:

– в научных докладах на русском языке: на ежегодных научных сессиях ИВР РАН (2014, 2015, 2016); на заседании Совета молодых ученых ИВР РАН (2019); на научных конференциях «Всероссийские востоковедные чтения

памяти О.О. Розенберга» (ИВР РАН, 2014, 2015); на межвузовской (с международным участием) научной конференции «Бог. Человек. Мир» (РХГА, 2014); на ежегодной научной конференции «Общество и государство в Китае» (ИВ РАН, 2015, 2017); на научно-практическом семинаре «Проблемы изучения культур Востока» (СПбГИК, 2014); на международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире» (Восточный факультет СПбГУ, 2015).

– в научных докладах на китайском языке: на международной конференции молодых востоковедов (Тяньцзинь, Нанькайский университет 南開大學, 2017); на VI международной научной конференции молодых китаеведов (Пекин, Университет Жэньминь 人民大學, 2018).

– в научных докладах на английском языке: на международной научной конференции «Confucian Canon Studies (*jingxue* 經學), Literary Genre and Literary Style» (Трир, Trier University, 2017); на XVI съезде Австралийской ассоциации китаеведов CSAA (Мельбурн, La Trobe University, 2019).

Структура научно-квалификационной работы (диссертации).

НКР состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы, включающего в себя 321 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ НКР

Во **Введении** указаны предмет и объект выпускной квалификационной работы, приведены хронологические рамки исследования, обоснованы его актуальность и новизна, описана его источниковая база, показана степень изученности рассматриваемой темы, сформулированы цель и задачи работы, описаны научные методы исследования, а также указано, каким образом исследование было апробировано.

Глава I – «Ханьские экзегетические тенденции: канон и политика» – посвящена анализу конфуцианских экзегетических тенденций в периоды Западной и Восточной Хань, которые прослеживаются на материале комментаторских сочинений и прочих источников, имеющих отношение к экзегетике Пятиканония.

I. В эпоху Хань развитие искусства толкования канонов было подчинено интересу конфуцианских ученых к проблемам сменяющих друг друга состояний гармонии и хаоса, стихийных бедствий и благих знамений, смены и легитимности правящей династии, взаимоотношений человека и Неба, Дао-пути Неба и людских дел. Поэтому помимо увлечения классификациями, схематизмом и апокрифической тематикой, ставшими практически неотъемлемыми элементами ханьского экзегетического дискурса, на новый уровень вышло понимание исторического процесса как такового и, в частности, его исследований. Экзегетам он представлялся «вечным приближением к древности», а фиксация событий обретала для них настоящий смысл лишь постольку, поскольку она могла способствовать реставрации и следованию Дао-пути прежних совершенномудрых правителей. Каноническим текстом, которому в этой связи уделялось первостепенное внимание, вокруг которого сформировались самые рафинированные экзегетические школы, и в котором ханьские ученые искали поддержку своим идеям, была летопись *Чуньцю*.

II. С установлением при Западной Хань достаточно устойчивой образовательной и экзаменационной системы, придворно-официальная экзегетическая деятельность также вписалась в это русло, найдя стабильную форму в школьных комментариях *чжан цзюй*. Причем философско-политический дискурс ученых чем дальше, тем больше опирался преимущественно на комментарии *чжуань* (выбор происходил в зависимости от школьной и политической позиции). Эти формально непохожие друг на друга тексты выделялись в отдельный кластер авторитетной литературы, обладавшей выраженной политико-идеологической и образовательной

функциями. Последнее было свойственно не только популярной *Чуньцю*, но и всем прочим канонизированным текстам, о которых читались лекции в Тайсюэ. *Чжуань*, написанная «достойными людьми»-сянь была тем необходимым мостом, который делал возможной дальнейшую интерпретацию канона, созданного совершенномудрыми-шэн. Без нее слова профессоров-боши не имели бы должной авторитетности и связи с канонической традицией, зато с ней это как бы оживало заново в создаваемых ими и их учениками комментариях *чжан цзюй*.

III. При Западной Хань наблюдалось стремление внедрить экзегетику в активную политическую деятельность, что можно проиллюстрировать не только на примере *Чуньцю*, но и на примере *Документов*. Этот канон уходил в тень, пропорционально росту интереса к летописи *Чуньцю* (с чем связаны наибольшие потери в комментариях к нему за этот период). Несмотря на однозначное признание *Документов* бессмертной классикой и одним из наиболее авторитетных канонов из числа Пятиканония, его содержание, которое «говорит о делах прежних правителей, его сильная сторона в [изложении искусства] управления», не могло сравниться в глазах ханьских ученых с *Чуньцю*, которая «отделяет правду от неправды, его сильная сторона в описании примеров управления людьми». То есть выбор падал на те тексты, интерпретация которых лучше позволяла выстроить политико-этическую стратегию и помогала оказывать влияние при дворе. Между тем, идеалам *Документов* можно было соответствовать лишь после успешной реализации указанной стратегии на практике (чего, естественно, никогда не происходило). *Песни* находились в похожей ситуации, однако будучи поэтическим текстом, они заняли свою нишу – стали необходимым элементом светского общения. Соответственно, и экзегеты обращали на них больше внимания.

IV. Экзегетические тенденции, воплощавшиеся в деятельности представителей так или иначе конкурировавших между собой интеллектуальных течений *цзиньвэнь* и *гувэнь*, конфуцианцев из царств Лу и

Ци, традиционно имевших разные специализации, а также пользовавшихся спросом магов-*фанши*, которые по образованию зачастую тоже являлись конфуцианцами, сформировали при дворе и на периферии свою субкультуру. Эта последняя включала сложную систему ценностей, методов работы и стереотипов поведения, которые, несмотря на значительные трансформации конфуцианской экзегетической традиции в Китае за две тысячи лет, продолжали оставаться актуальными и достаточно легко узнаваемыми до самого ее заката в начале XX века. Это можно продемонстрировать на примере истории ханьской экзегезы *Песен* и *Ритуалов*. Разделение течений *цзиньвэнь* и *гувэнь* по принципу противоборствующих комментаторских типов *чжан цзюй* и *сюньгу*, характерное, в целом, для конца Западной Хань и всего периода Восточной Хань, в начале Западной Хань не было выражено так ярко, и представители *цзиньвэнь* тоже пользовались методами *сюньгу* достаточно активно. Так все западноханьские школы интерпретации *Песен* основываются именно на них, однако анализ содержания реконструированных комментариев к *Песням* и другим канонам помогает выявить другие свойственные им стереотипы.

Консервативная и авторитетная луская экзегетическая школа (не только изучения *Песен*, а канонов в принципе) славилась ригоризмом наставников и при Западной Хань занимала очень прочные позиции, включая в себя большое количество видных чиновников и известных ученых. Однако уклон ее интерпретации канонов в строгую дидактику, а также традиционное для уважающих себя конфуцианцев отсутствие интереса к придворному красноречию способствовали постепенному упадку ее популярности, начиная с эпохи Восточной Хань. Характерно, что именно лусцы были и оставались главными специалистами по *Ритуалам*, без которых их реконструкция в начале Западной Хань была бы невозможна.

Циская экзегетическая школа, наоборот, выводила интерпретацию канонов на более модное при Западной Хань поле взаимодействия с апокрифической литературой и гадательной практикой. Кроме того, ее

представители всегда достаточно успешно участвовали в придворных дебатах и были активными политическими деятелями. Поэтому, когда при Западной Хань был поставлен вопрос о реконструкции и частичном создании новой ритуальной системы при дворе дома Хань, цисцы оказались не в состоянии справиться с ней в одиночку, потребовалась помощь луских коллег. Однако после переворота Вана Мана и последующего восстановления правления династии Хань, цисцы, замкнувшиеся в теряющей популярность апокрифическо-астрологической тематике, уже не играли столь ярких ролей на экзегетическом небосклоне. Из всех западноханьских школ толкования *Песен* эта школа угасла первой.

Из приведенных примеров следует, что уже к середине периода Западная Хань, а тем более с ее падением, трещину дал не только принцип строгого учительского преемства, казавшийся ранее незыблемым, но и целостность локальных экзегетических традиций, которые также подчинялись изменяющейся парадигме конфуцианской мысли. Стереотипы поведения, равно как и различные подходы к выбору и изучению канонов, частично сохранялись, однако показательно, что с распространением моды на владение знаниями сразу о нескольких канонов (феномен *тун жу*) к эпохе Восточная Хань экзегетическая система усложняется большим количеством комментариев «переходного типа». Эти последние сопоставляли не только разные точки зрения на конкретный текст, но и сами тексты (см. раздел 1.3.4.), что уготовило большие перемены в экзегетической мысли, начавшиеся сразу после окончательного падения дома Хань.

V. Другой аспект развития экзегетической практики представлял симбиоз конфуцианской образованности и гадательно-астрологической деятельности. Хотя эта сторона присутствовала в интерпретации многих канонов (особенно при Западной Хань), *Перемены* были тем каноническим текстом, который в наибольшей степени способствовал развитию свободомыслия, вообще-то не свойственного ханьскому конфуцианству. Несмотря на формальное наличие учительского преемства,

подразумевавшего стабильную передачу знания, толкование *Перемен* в каждом следующем поколении стимулировало появление новых независимых интерпретаций. Последнее, в свою очередь, побудило ханьских ицзинистов одними из первых в истории конфуцианской экзегетики привлечь в поле своей деятельности комментаторский тип *шо*-рассуждение, ибо он в наибольшей степени позволял развернуть свое личное понимание предмета. В ханьской экзегетике *Перемен* успешно реализовались черты ханьского конфуцианства, которые без преувеличения можно назвать наиболее сильными, – обоснование коррелятивных соотношений, присутствие классификационных схем и нумерологических построений. Эта же методология во многом определила стиль интерпретации других канонических текстов в эпоху Хань, придав ей очень практичный характер.

Глава II – «Конфуцианская экзегетика в III-VII вв.» – посвящена рассмотрению тенденций в конфуцианской экзегетической мысли в период Раннего Средневековья. Это промежуток времени охватывает эпоху Троецарствия, установление правления династии Цзинь (Западной и Восточной), эпоху Южных и Северных династий, а также недолгий период правления династии Суй. В исследованиях по истории Китая правление дома Суй чаще всего классифицируется как переходный период и относится уже скорее к Средневековью. Тем не менее, как было показано в настоящей главе НКР, этот период (равно как и первые десятилетия существования династии Тан), при рассмотрении их в контексте истории конфуцианской экзегетической мысли, относятся к этапу, генетически связанному и логически завершающему развитие раннесредневековой конфуцианской экзегетики.

I. Политический кризис, сопутствовавший закату династии Хань и приведший к окончательной децентрализации власти после ее падения, лишь ускорил те процессы, которые уже и так начались в сфере конфуцианской экзегетики при Восточной Хань. В первую очередь, это выразилось в утрате единства и авторитетности школьных традиций ханьской формы

канонovedения. Деятельность Чжэн Сюаня, с одной стороны, революционно объединила целый ряд различных школьных интерпретаций. Но она же и покачнула самые их основы, поскольку открыла собой новую эпоху научной, а не догматической экзегетики, где субъективное мнение ученого получало намного больше свободы. Все это способствовало переходу экзегетических изысканий на полемическую стадию, начиная с эпохи Троецарствия, когда ученые открыто друг друга опровергали, вводили в оборот новые комментаторские типы, диалогически выстраивали свои сочинения и т.д.

II. Анализ комментаторских сочинений периода Цзинь и эпохи Южных династий, демонстрирует, как длительные споры об интерпретации тех или иных мест в канонах и *чжуанях*, приводили к тому, что конфуцианством аккумулировались самые разнообразные точки зрения и философские концепции, чуждые ему прежде. Происходит секуляризация канонovedческой деятельности, превращаемой в составную часть светской жизни интеллектуальной элиты, увлекшейся отвлеченным философским и литературным творчеством. При этом экзегетика Северных династий, напротив, стремилась возвратиться к идеалам ханьской традиции, хотя бы в позднем, восточноханьском, варианте.

III. Комментарии конца VI века выявляют тенденцию к взаимопроникновению южного и северного направлений экзегетики. Канонovedение периода Суй – начала Тан представляет собой результат данного смещения, немаловажной чертой которого является официальное предпочтение южных комментариев, в то время, как на практике сверка интерпретаций зачастую проходила по северным. Этот выбор предрешает угасание северной экзегезы как самостоятельного явления и знаменует собой завершение раннесредневекового этапа развития конфуцианской экзегетики.

IV. В главе III подведен общий итог настоящего исследования, выразившийся в разработке периодизации истории конфуцианской экзегетической мысли и построении типологии конфуцианского комментария (см. раздел 3.4.). Последнее означает возможность целостного

взгляда на предмет изучения и помогает выявить его ключевые характеристики.

В **Заключении** суммируются результаты научно-квалификационной работы (диссертации), делаются основные выводы, которые соответствуют основным задачам исследования.

Основные положения научно-квалификационной работы (диссертации) изложены в следующих публикациях:

в изданиях, включенных в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»:

1. Бонч-Осмоловская, 2015 — Бонч-Осмоловская О.А. К проблеме комплексного изучения конфуцианского текста «Канона песен» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. № 2 (23). – СПб: Издательство СПбГУКИ, 2015. – С. 60-63.
2. Бонч-Осмоловская, 2016 — Бонч-Осмоловская О.А. «Канон песен» как источник догматической аргументации в конфуцианстве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Том 15, № 4: Востоковедение. – Новосибирск: НГУ, 2016. – С. 73-79.
3. Бонч-Осмоловская, 2017а — Бонч-Осмоловская О.А. Концепция «восприятия вещей» (感物 *гань у*) в китайской философии и культуре: истоки концепции // Ученые записки Крымского федерального

университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 3 (69), № 2. – Симферополь: КФУ, 2017. – С. 3-17.

4. Бонч-Осмоловская, 2017б — Бонч-Осмоловская О.А. Концепция *гань* у в контексте китайских теорий музыки и литературы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 3 (69), № 1. – Симферополь: КФУ, 2017. – С. 3-15.